

Глава 1

Рассвет знаменательного дня

Начнем с детской присказки. В некотором королевстве было одно графство, в этом графстве был город, в этом городе был дом, в этом доме была комната, в комнате была кровать, и на этой кровати лежала маленькая девочка. Она не спала и очень хотела встать, но страшно боялась невидимой стихии в соседней комнате — некоей Бетти, чей сон ни в коем случае нельзя было тревожить до тех пор, пока не пробьет шесть часов, когда она просыпалась сама, «точно по звонку», после чего о покое в доме оставалось только мечтать. Стояло июньское утро, и, не смотря на ранний час, солнечные лучи уже наполнили комнату теплом и светом.

На комодe напротив маленькой белой кроватки под кисейным покрывалом, на которой лежала Молли Гибсон, стояла примитивная подставка с висевшей на ней шляпкой, тщательно укутанной, на случай возможного попадания пыли, большим шейным платком из ткани настолько плотной и долговечной, что, окажись под нею головной убор из переплетного газа, кружева и цветов, он непременно «пожамкался бы» (как выразилась однажды Бетти). Но шляпка была сделана из твердой соломки, а в качестве отделки использовалась простая белая лента, обтягивающая тулью и служившая заодно завязками. Тем не менее внутри размещалась аккуратная ажурная филигрань, каждое плетение которой Молли знала наизусть, потому что разве не сама она трудилась над нею еще вчера с бесконечным терпением? И разве не было голубого банта в этой филигрань, первого в жизни Молли взрослого украшения, которое ей предстояло надеть?

Но вот и шесть часов, о чем приятным бодрым перезвоном возвестили церковные колокола, призывая всех и каждого

взяться за работу, что они проделывали на протяжении вот уже нескольких веков. Молли спрыгнула с кровати и, быстро-быстро ступая по полу маленькими босыми ножками, подбежала к комоду, приподняла шейный платок, чтобы полюбоваться шляпкой, которая сулила ей радость светлого дня. Потом она бросилась к окну и после нескольких рывков все-таки открыла створный переплет, впуская в комнату сладкий и свежий утренний воздух. В садике внизу роса с цветов уже сошла, зато высокая трава на лугу за ним еще блестела влагой. По одну сторону лежал маленький городок Холлингфорд, на одной из улиц которого и стоял дом мистера Гибсона. Легкие струйки и столбы дыма уже поднимались из труб многочисленных домов, где уже встали домохозяйки и сейчас готовили завтрак для кормильцев семьи.

Молли Гибсон видела все это, но сейчас она могла думать только об одном: «О, это будет прекрасный день! Я так боялась, что он никогда не наступит; а если и наступит, то непременно пойдет дождь». Сорок пять лет тому детские радости в провинциальном городке были незамысловатыми, и Молли прожила двенадцать долгих лет, в которых так и не нашлось места ничему подобному тому знаменательному событию, которое должно было вот-вот наступить. Бедное дитя! Да, она лишилась матери, что стало настоящим потрясением в беззаботном течении ее прежней жизни, но вряд ли его можно было назвать достойной вехой в вышеупомянутом смысле; да и, кроме того, в то время она была еще слишком мала, чтобы осознать его в полной мере. И удовольствии, которое она предвкушала, должно было принести ей первое участие в ежегодном празднестве в Холлингфорде.

Небольшой, беспорядочно раскинувшийся городок с одного конца постепенно растворялся в сельской местности, как раз там, где располагалась сторожка, охранявшая въезд в огромный парк, в коем жили милорд и миледи Камнор, «граф» и «графиня», как их неизменно называли жители городка; и где по-прежнему властвовали феодальные отношения, проявлявшиеся просто и незамысловато; сейчас, оглядываясь назад, они представляются нелепыми или даже забавными, но в те времена к ним относились со всей серьезностью. Это было еще до реформы парламентского

представительства, но двое или трое наиболее просвещенных фригольдеров¹ уже позволяли себе либеральные мысли и разговоры; в графстве проживало и знатное семейство тори, которое время от времени соперничало на выборах с Камнорами, принадлежавшими к партии вигов. Казалось бы, вышеупомянутые жители, склонные к либеральным взглядам, могли бы и допустить возможность того, что они все-таки проголосуют за Хели-Гаррисонов, подтвердив таким образом свою независимость. Но нет, ничего подобного. Граф оставался владельцем поместья и большей части земли, на которой и был построен Холлингфорд; в некотором смысле добрые жители города кормили, лечили и даже одевали его вместе с чадами и домочадцами; деды их отцов всегда и неизменно голосовали за старшего сына из Камнор-Тауэрз и, следуя заветам предков, все до единого представители сильного пола городка отдавали свои голоса сеньору, самым великолепным образом игнорируя такую химеру, как политические убеждения.

Вот вам наглядный пример того влияния, кое крупные землевладельцы оказывали на своих не столь состоятельных соседей в эпоху, предшествовавшую появлению и развитию железных дорог, и хорошо еще, если могущественное семейство, затмевавшее их блеском своего великолепия, оказывалось столь респектабельным по природе своей, как Камноры. Они ожидали, что их будут уважать и повиноваться; простодушное обожание городских обывателей граф и графиня принимали как должное; и они бы онемели от изумления, помянув недобрым словом санкюотов², кои были источником постоянных страхов и ненависти во времена их молодости, если бы кто-либо из обитателей Холлингфорда отважился противопоставить свою волю или мнение взглядам графа. Но, пользуясь всеобщим обожанием, они и впрямь много делали для города, проявляя неизменную снисходительность, заботу и доброту в обращении со своими вассалами. Лорд Камнор был терпеливым и великодушным землевладельцем;

¹ Фригольдер — свободный землевладелец. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Санкюлот — ярый республиканец.

иногда он брал бразды правления в свои руки, отодвигая управляющего в сторону, к вящему негодованию своего поверенного, который вообще-то был достаточно богат и независим для того, чтобы изо всех сил держаться за место, где его решения могли быть в любой день отменены милордом, когда тому «вожжа попадала под хвост» (как непочтительно выражался в таких случаях поверенный в уединении собственного дома), что в переводе на простой и понятный язык означало, что время от времени граф сам расспрашивал собственных арендаторов, пользуясь собственными глазами и ушами в решении мелких вопросов управления своей собственностью. Но арендаторы лишь еще сильнее любили своего господина за подобные привычки. Лорд Камнор не обращал особого внимания на слухи и сплетни, умудряясь сочетать столь похвальное качество с неумением разрешать противоречия, возникающие между его старым управляющим и арендаторами. Впрочем, эту слабость графа с лихвой компенсировало безупречное достоинство графини. Раз в году она проявляла благоволение и снисходительность. Вместе с другими дамами, своими дочерьми, она организовала школу; это была не школа в нашем понимании, где детей рабочего люда и прочих простолюдинов зачастую обучают куда лучше, нежели представителей знати; нет, это была школа, которую следовало бы назвать «ремесленной»; в ней девочек учили красиво вышивать, быть прекрасными горничными и замечательными поварами, а самое главное — опрятно и красиво носить нечто вроде униформы, разработанной благородными дамами поместья Камнор-Тауэрз: белый чепец, белый палантин, клетчатый передник и голубое платье. И, само собой разумеется, непременно делать реверансы и не забывать о почтительном «будет исполнено, мадам».

И вот, учитывая, что большую часть года графиня в Тауэрз не проживала, она была рада заручиться расположением женской половины Холлингфорда, рассчитывая на то, что те заменят ее с дочерьми в школе во время их отсутствия. И многочисленные, изнывающие от скуки благородные дамы городка откликнулись на призыв своей госпожи, наперебой предлагая услуги, а вместе с ними и суетливое обожание, коим они щеголяли друг перед

другом. «Как это мило со стороны графини! Это так на нее похоже — всегда думать о других!» — и так далее в том же духе; при этом предполагалось, что любой гость не мог составить себе полного впечатления о Холлингфорде, не побывав с визитом в школе графини, где на него должны были произвести неизгладимое впечатление опрятные маленькие ученицы и их еще более искусная вышивка. Взамен каждое лето устраивался почетный день открытых дверей, когда с присущим ей величавым и непревзойденным гостеприимством леди Камнор со своими дочерьми принимала в поместье Тауэрз всех добровольных школьных помощниц. Роскошный фамильный особняк располагался в аристократическом уединении в самом центре огромного парка, одни из ворот которого, вместе со сторожкой привратника, находились в непосредственной близости от городка. Для этого ежегодного праздника был установлен следующий ритуал. Примерно в десять часов утра один из экипажей покидал поместье через эти ворота и начинал объезжать дома, где проживали дамы, которым и следовало оказать почести; он забирал их по одной или парами, пока не оказывался нагруженным под завязку, после чего возвращался в поместье через главный вход, быстро проезжая по безупречно ухоженной тенистой аллее и высаживая стайку празднично наряженных дам у самых ступеней, ведущих к помпезным и внушительным дверям поместья Камнор-Тауэрз. После чего экипаж возвращался в городок, вновь собирая представительниц прекрасной половины человечества, разодетых в свои лучшие наряды, и возвращался в поместье; так продолжалось до тех пор, пока все приглашенные не собирались или в доме, или же в чудесных садах вокруг. После полагающейся экскурсии, с одной стороны, и приличествующего случаю выражения восхищения, с другой, гостям предлагали легкий ленч, за которым следовал очередной показ сокровищ и соответствующих восторгов, но теперь уже внутри дома. К четверем часам пополудни подавали кофе, что служило сигналом к тому, что вскоре появится экипаж, который и развезет их по домам, куда они возвращались со счастливым осознанием достойно проведенного дня и чувством легкой усталости, оттого что вели себя самым примерным образом